

ВОСПИТАНИЕ НОВОГО ЧЕЛОВЕКА ОТ РУССО ДО МАКАРЕНКО

Е.А. ГОРШКОВА

Восемнадцатый век занимает особое место в истории. Его называют «веком просвещения». Однако главное не в этом. Главное – в том, что именно в это время в рациональное мышление вошло чувство. Изменилось восприятие окружающего мира, постепенно менялся сам мир.

Именно в этом веке появились работы Ф.М.А. Вольтера, Д. Дидро, К.А. Гельвеция, П.А. Гольбаха, Д. Локка, открывшие новое направление в философии.

Символично, что в XVIII в. педагогика и психология выделились из философии в самостоятельные науки.

Как символ новой науки – педагогики – появился роман-трактат Ж.Ж. Руссо «Эмиль, или О воспитании» (1762), на века определивший её развитие. В «Эмиле» речь идёт о воспитании нового человека как своеобразном предчувствии нового времени. Гениальный Руссо предчувствовал крах старого и возникновение нового социального строя. В 1789 г. произойдёт Французская буржуазная революция, ознаменовавшая наступление новой эры в истории человечества. Руссо словно предвидел не только новое, но и сложность и трагедийность этого нового. Поэтому у «Эмиля» в целом пессимистический финал.

Однако дело было не в этом. Педагогический роман Руссо положил начало развитию классической или гуманистической педагогики. Принципы воспитания, заложенные в «Эмиле», – труд, природосо-

образность, метод естественных последствий – используются в различных вариантах и сегодня.

Благодаря Ж.Ж. Руссо возникли новые типы учебных заведений – филантропинумы (филантропины).

Первый филантропинум был организован в 1774 г. в Дессау (Германия) педагогом и общественным деятелем И.Б. Базедовым. Проработал он до 1793 г. Детей воспитывали согласно законам природы и старались возбудить в них любовь к ближнему. В учреждении были введены естественные методы научного преподавания, большое место в обучении занимал принцип наглядности. Воспитанники изучали классические и новые языки, а также предметы по выбору, которые могли пригодиться им в будущем, например, бухгалтерское дело. Исключительное внимание уделялось физическому воспитанию. Дети много занимались гимнастикой, верховой ездой, плаванием. Педагоги филантропинума в Дессау, как и в Маршлине (Граубюнден), в основном апеллировали к разуму ребёнка, мало обращая внимания на память, воображение, чувства. Это было серьёзным недостатком этих учреждений.

Некоторым своеобразием отличался филантропинум в Шнепфетале – «лесной филантропинум», – организованный К.Г. Зальцманом, бывшим преподавателем религии в Дессау. Зальцман стремился дать детям из буржуазных семей образование,

не уступавшее получаемому аристократами. Собственно, Зальцман и его коллеги формировали нового человека, представителя нового для того общества сословия (буржуа). В Шнепфетале много внимания уделяли изучению литературы. А там, где изучается литература, неизбежно обращение к эмоциональной сфере учащихся. Это очень важный элемент деятельности Шнепфетала, выгодно отличающий его от других филантропинумов. К.Г. Зальцман стремился сочетать умственное развитие, физическое воспитание и занятия различными видами ручного труда, вырабатывая полезные в жизни навыки и умения. Воспитание было ориентировано на всестороннее развитие детей. Деятельность этого филантропинума была настолько успешной, что это учреждение работало около ста лет, а по некоторым сведениям работает до сих пор.

В Германии – в этой стране филантропии были наиболее популярны – работали также учреждения под руководством И Кампе, Э. Траппа и других.

Забегая вперёд, отметим, что императрица Мария Фёдоровна, жена Павла I, курировавшая после смерти Екатерины Смольный, рекомендовала педагогическому коллективу книгу И. Кампе «Отеческие советы моей дочери» в качестве руководства к воспитанию девочек.

Идеи воспитания нового человека не миновали и Россию. Традиционно считается, что эту идею выдвинули русские просветители, и она была поддержана Екатериной II Великой. В целом это так, но до идеи существовала практика. Осуществлять практику воспитания нового человека, не ставя такой цели, начал царь Фёдор Алексеевич (1676–1682; указаны годы царствования), монарх, чья деятельность ещё не оценена в истории должным образом. Именно он приказал собирать малолетних нищих, воришек, бродяжек и помещать их в особые «дворы», т.е. дома, где они получали начальное образование, религиозное воспитание и обучались азам какой-либо профессии; чаще всего из них готовили «дьяков», т.е. чиновников различных приказов. Сам образованнейший человек, лю-

бимый ученик Симеона Полоцкого, царь Фёдор Алексеевич придавал очень большое значение образованию.

При Фёдоре Алексеевиче возникла идея создания высшего учебного заведения. Воплотить её в жизнь было поручено Симеону Полоцкому.

Симеон Полоцкий и его ученик Сильвестр Медведев были инициаторами создания в Москве Славяно-греко-латинской академии, первого русского высшего учебного заведения. В академии должны были готовить образованных людей для государственного и церковного аппарата. Их нужно было обучить славянскому, латинскому, греческому и польскому языкам, а также «семи свободным искусствам»: богословию, философии, грамматике, пиитике и риторике, астрономии, геометрии. Работать Славяно-греко-латинская академия начала уже после смерти С. Полоцкого. Её первыми преподавателями были братья Иоаким и Софроний Лихуды. Специальное задание для академии было выстроено в 1686 г. В 1867 г. туда переехал преподавательский и педагогический коллектив. Этот год считается годом открытия академии.

Так постепенно в обществе формировалась новая прослойка людей, людей образованных и профессионально подготовленных.

В Славяно-греко-латинской академии учились Михаил Ломоносов, Антиох Кантемир, математик Леонтий Магницкий, архитектор Василий Баженов.

Сейчас в здании академии расположены факультеты Российского государственного гуманитарного университета.

Деятельность Петра I по формированию нового человека, равно как и весьма оригинальные методы этого формирования, хорошо известны. Гораздо менее известны, хотя более эффективны, были способы воспитания и подготовки образованных и профессионально подготовленных людей, к которым прибегала сестра Петра, царевна Наталья Алексеевна. По её инициативе при богадельнях открывались приюты, где дети учились ювелирному делу (мальчики), росписи по фарфору (мальчики и девочки),

плетению кружев (девочки). Дети ухаживали за стариками, так формировалась любовь к ближнему, о которой так заботились в филантропинах. Дети получали религиозное воспитание и начальное образование. По выходе из приютов они получали работу в царских мастерских. Это тоже способствовало появлению «новой породы» людей.

Царь Фёдор Алексеевич, император Пётр I и Наталья Алексеевна заложили основы формирования человека нового времени и нового общества, на которых базировалась педагогическая деятельность И.И. Бецкого и Екатерины II.

Екатерина справедливо полагала, что прогресс могут обеспечить «люди новой породы». Они были нужны для реализации задуманных ею преобразований. Однако таких людей ещё предстояло «взрастить».

Своим помощником в деле воспитания «новых людей» императрица выбрала И.И. Бецкого, человека, для которого воспитание и благотворительность являлись смыслом жизни.

И.И. Бецкой (1704–1795), президент Академии художеств, организатор воспитательных домов для сирот, брошенных детей и детей беднейших родителей в Москве и Санкт-Петербурге, основатель Смольного института, первый заявивший о равноправии мужчин и женщин в образовании, директор Сухопутного Шляхетского корпуса, родился в Стокгольме, образование получил в Дании, некоторое время служил там в кавалерийском полку. В 1729 г. приехал в Россию, где поступил на службу в Коллегию иностранных дел. В 1847 г. вышел в отставку и уехал за границу, несколько лет путешествовал по Европе, посетил Италию, Германию, Голландию, но главным образом жил в Париже и Вене. Он был широко и разносторонне образован, изучил идеи европейских просветителей, особенное внимание уделяя взглядам французских энциклопедистов. Бецкой прекрасно знал труды Руссо и Локка и разделял их взгляды на воспитание. В трудах Руссо его привлекала вера в то, что человек изначально добр, в работах Локка – стройная система физического развития и положение о том, что

душа ребёнка – «чистая доска», на которой путём правильного воспитания можно написать нравственные принципы и любовь к ближнему. Бецкой свято верил во всемогущую силу воспитания, главным в человеке считал чувствительное и нравственно развитое сердце. Также он считал необходимым для новых людей глубокое и широкое образование. Так же, как Екатерина, он считал, что «новую породу» людей можно воспитать только в условиях строжайшей изоляции от «злонравия» современного ему общества. Здесь в воззрениях Бецкого своеобразно преломилось положение Гельвеция о решающем влиянии среды в формировании человека. Та среда, в которой живёт ребёнок, не может дать ему положительных примеров, следовательно, ребёнка надо поместить в такую среду, которая будет благотворно влиять на него. По большому счёту И.И. Бецкой – эклектик в педагогике, но его эклектичная система удивительно логична и последовательна. Неудивительно, что именно ему императрица поручила разработать план воспитания новых людей. В 1764 г. выходит труд И.И. Бецкого «Генеральное учреждение о воспитании обоюбого пола юношества», подтверждённое Её императорским величеством 1764 года марта 12 дня», во многом определивший деятельность воспитательно-образовательных учреждений. Отметим сразу, что крайне несправедливо считать Бецкого автором одного педагогического произведения. У него есть ещё несколько интересных работ, которые актуальны и для сегодняшнего дня. Это: «Краткое наставление, выбранное из лучших писателей с некоторыми естественными примечаниями о воспитании детей от рождения до юношества» (1766), «Собрание учреждений и предписаний касательно воспитания в России обоюбого пола благородного и мещанского юношества» (1789) и ряд других.

Главным же делом Екатерины II и И.И. Бецкого было развитие женского образования в России, а именно – открытие для этой цели Смольного института.

Для организации работы Смольного института использовался уже имевшийся в

Европе опыт, в первую очередь известного женского института Сен-Сир под Парижем. Сен-Сир был открыт морганатической супругой Людовика XIV мадам де Ментенон. Сначала в Сен-Сире занимались светским воспитанием девушек, затем он превратился почти в монастырь; воспитание в нём носило большей частью клерикальный характер. Позже Сен-Сир стал учреждением, готовившем кадры французского офицерства и жандармерии. Ныне переведён в провинцию Бретань.

Екатерина использовала Сен-Сир только как прообраз своего будущего института. Монастырская суровость и клерикализм её абсолютно не привлекали. Главным для неё были воспитание и образование.

В 60-х годах XVIII в. было создано Воспитательное общество благородных девиц, считающееся первым в России государственным женским учебным заведением.

Место для него Екатерина выбрала в удалённом от центра Санкт-Петербурга Воскресенском Новодевичьем монастыре. Недалеко располагался Смольный двор, где варили и хранили смолу для нужд флота. Там был построен дворец для Петра I, потом им владели Екатерина I и Елизавета Петровна, которая и начала строительство Новодевичьего монастыря. Строительством руководил архитектор Б. Растрелли, потом Ю. Фельтен, а заканчивал Д. Кваренги. Воскресенский Новодевичий монастырь стали называть Смольным, постепенно это название закрепилось за Воспитательным обществом благородных девиц.

Размещая Общество в Смольном монастыре, Екатерина хотела сочетать эти два учреждения. Монахини должны были обучать самых маленьких девочек русской грамоте. Слить монастырь и институт оказалось невозможным, т.к. инокини тяготились возложенными на них обязанностями, да и не всегда справлялись с ними. Постепенно монахинь становилось всё меньше. При Павле I монастырь был закрыт.

5 мая 1764 г. Екатерина II подписала указ об открытии Смольного института. Надо отметить, что идея общественного воспитания не встретила в обществе по-

нимания: сказывались вековые предрассудки.

По уставу в Смольный принимали девочек с 5–6 лет. Продолжительность обучения планировалась в 12 лет. Родители обязывались «ни под каким видом» не требовать возвращения детей в семью. Они могли навещать дочерей лишь изредка, в определённые дни; эти встречи проходили только с разрешения начальницы института и в присутствии воспитательниц.

Дворяне, особенно провинциальные, не спешили отдавать маленьких девочек в институт, пусть и на полное государственное обеспечение. Поэтому, хотя приём в институт планировался каждые три года по 50 человек, первый приём был несколько растянут. Из дворянок только семь девочек принадлежали к титулованным семьям. Чтобы набрать необходимое количество воспитанниц, в Смольный принимали и недворянок (мещанок по тогдашнему сословному делению). Таким образом, в Смольном стало два отделения – дворянское и мещанское. С течением времени, благодаря мудрой политике Екатерины, оказывавшей Смольному своё монаршее благоволение, положение исправилось, и учёба в Смольном стала считаться очень престижной.

Двенадцатилетний курс обучения делился на 4 периода по возрастам.

Первый, самый младший – девочки до 9 лет. Их обучали Закону Божьему, русскому и иностранному (французскому, итальянскому, немецкому) языкам, арифметике, рукоделию, танцам, музыке. Они носили платья кофейного цвета и прозывались «кофейницами».

Второй возраст – 9–12 лет. К изучаемым предметам добавлялись история и география. Девочек начинали обучать вести домашнее хозяйство. Они одевались в платья тёмно-синего цвета.

С 12 до 15 лет был третий возраст. К уже имеющимся предметам прибавлялись стихосложение, опытная физика, словесные науки, чтение исторических и нравоучительных книг, шитьё различных видов, практика ведения домашнего хозяйства. У девочек этого возраста были голубые платья.

Последний возраст – 15–18 лет. В этом возрасте обучение состояло из углублённого изучения всего пройденного. Домашнее хозяйство изучалось девушками во всех подробностях; их, например, учили делать покупки, рассчитывать бюджет семьи. Старшие девочки были обязаны помогать учительницам и обучали в первых двух классах маленьких воспитанниц. Это делалось для того, чтобы будущие матери овладевали педагогическими навыками. Девушек одевали в белые платья. Их называли «белые смольнянки». Иногда в статьях, посвящённых Смольному, отмечается, что старшие воспитанницы носили зелёные платья, а белые надевали только по торжественным случаям.

Цвет платья смольнянок имел символическое значение. Более светлые тона символизировали взросление, возросшую образованность и аккуратность.

Лучшие воспитанницы носили шифр – золотой вензель в виде инициала императрицы на белом банте с золотыми полосками.

Воспитанницы много читали. Екатерина, одинокая при дворе Елизаветы, сама очень много читала, многому научилась из книг и справедливо считала чтение лучшим способом образования.

Вообще в Смольном было много форм работы, заимствованных из детства и юности императрицы. Так, постановка спектаклей, опер, балетов в институте была данью детству Екатерины: тогда у неё была учительница, мадемуазель Кардель, которая, в целях воспитания, часто цитировала классические и современные трагедии и комедии. Екатерина страстно любила театр и сама была автором пьес. Поэтому театральное искусство в Смольном процветало.

Воспитатели и воспитанницы ставили трагедию Вольтера «Заира», его же комедию «Нанин», оперу-буфф Д. Перголези «Служанка-госпожа» (девочки 16–17 лет), пьесы А.П. Сумарокова, небольшие балеты. Смольнянок обучали сценическому искусству, музыке, вокалу, танцам лучшие актёры и музыканты, например, премьер придворного театра И.А. Дмитриевский.

Портреты смольнянок в ролях и в жизни можно видеть в Русском музее Санкт-Петербурга. Они принадлежат кисти Д. Левицкого и написаны в 1772/73–1776 гг.

С самых первых дней пребывания в институте девочек учили приветливо и вежливо разговаривать со всеми.

Знакомство со светской жизнью на практике у смольнянок начиналось с третьего возраста. В Смольном устраивались встречи воспитанниц с дамами и кавалерами, известными воспитанностью и благонравием. На балы приглашали кадетов, на ужинах после бала девушки сидели вместе с гостями. Начальница часто приглашала к столу гостей и в будние дни. Девочки катались в придворных каретах по Петербургу. Воспитанницы двух старших возрастов в сопровождении начальницы ездили ко двору, где их приглашали к царскому столу. Таким образом теория светского воспитания реализовывалась в практике.

Наиболее необычным и интересным в Смольном было физическое воспитание. Его девизом было: «никаких излишеств». Гигиены как науки в то время ещё не было, в повседневной жизни она соблюдалась далеко не всеми, даже придворными. Поэтому требования к соблюдению личной гигиены и приучение девочек к опрятности во всех смыслах, изложенное в уставе Смольного (разработал его, конечно, Бецкой) были едва ли не революционными. Дортуары всегда проветривались; печи топили умеренно, «по термометру». Воспитанницы много гуляли, играли на свежем воздухе, благо при Смольном был сад с беседками, фонтанами, прудами.

Пища была простой и здоровой, девочки пили только воду и молоко; кофе и чай были признаны вредными для детей.

Одежда была простой: по будням камлотовые (шерстяные) платья, по праздникам и воскресеньям – шёлковые.

Весьма высокие требования предъявлялись к педагогическому коллективу. Наставники и классные дамы должны были подавать пример благопристойности, учтивости и хорошего, ровного настроения, скрывая свои неприятности, огорчения,

уныние и грусть. Начальница и правительница (заместительница начальницы) не должны были обнаруживать досаду, гнев, суровость. Даже швейцар должен был быть учтив и приятен в общении.

Девочек редко наказывали. Наказаний за нерадивость в учении не было: педагоги искали причины неуспешности в учении и ограничивались увещаниями. Самым строгим наказанием было «пристыжение» перед всем классом, но только в случае серьёзных проступков. Таковым считалось нарушение благонравного поведения во время молитвы. В Смольном придавалось исключительно важное значение религиозному воспитанию как «первому всему основанию».

Так воспитывался желанный Бецкому и Екатерине культурный тип людей, людей «новой породы».

Надо отметить, что воспитывали новых людей замечательные педагоги. Первой начальницей Смольного была княжна А.С. Долгорукова, женщина безупречно воспитанная и остроумная. Однако для такой должности она была недостаточно образованна, к тому же не имела ни педагогического, ни административного таланта. Она сумела понять это, и сама подала в отставку. Поступок, характеризующий княжну как человека самокритичного и порядочного.

Руководительницей Смольного стала её заместительница С.И. де Лафон (Делафон). Скромная вдова француза-генерала на русской службе, С.И. де Лафон оказалась идеальной руководительницей этого уникального учебно-воспитательного заведения. Она была именно таким педагогом, которого желали Екатерина и И.И. Бецкой. Её отличало редкое душевное благородство, доброта, внимательность к детям. Она пользовалась безграничным доверием и уважением воспитанниц. Кроме того, С.И. де Лафон проявила себя как талантливый администратор и, выражаясь современным языком, хозяйственник. С.И. де Лафон занимала пост начальницы Смольного 32 года и оставила по себе благодарную память. Девочки считали её матерью,

делились всеми своими секретами, знали, что она всегда поможет им советом. Они обожали её и свято чтили память о ней всю свою жизнь.

В конце жизни Екатерина II охладела к Смольному. Старейший И.И. Бецкой тоже мало занимался институтом. Де Лафон на посту начальницы сменила Е.А. Пальменбах, из второго выпуска Смольного, но она проработала недолго. Начальницей Смольного стала Ю.Ф. Адлерберг, бывшая няня и воспитательница великого князя Николая Павловича, а затем Михаила Павловича. Она пробыла в этой должности тридцать семь лет. Ю.Ф. Адлерберг, несомненно, была хорошим педагогом, но она в основном поддерживала традиции Смольного, заложенного С.И. де Лафон.

После смерти Екатерины Великой Смольным занялась её невестка, императрица Мария Фёдоровна. При ней воспитание девушек стало сводиться к подготовке хороших матерей, примерных супругов и умелых хозяек. Мария Фёдоровна подняла возрастной ценз поступления в институт: теперь в него принимали девочек 8–9 лет. Курс обучения уменьшился – он стал девятилетним. Дворянское отделение стало строго отделяться от мещанского. Воспитание дворянок было откровенно светским, мещанок – утилитарным, приспособленной к трудовой жизни. Тем не менее основной принцип работы Смольного сохранился для обоих отделений: образование сердца, ума, характера.

Понимая, что не все дворянки знатны и богаты, Мария Фёдоровна решила готовить воспитанниц к занятию, которое тогда только и было доступно женщинам: к педагогической деятельности. В 1803 г. на «благородной» половине Смольного был открыт «пепиньерский» класс. В число пепиньерок после каждого выпуска попадали 12 лучших по успехам и поведению девушек, не только лучших, но и... бедных, т.е. тем, кому предстояло стать гувернантками или наставницами в том же Смольном и в других женских институтах. В 1806 г. открылся такой класс в мещанском отделении. Основной задачей пепиньерок было присутствие на уроках и помощь препода-

вателям и классным дамам: ведь число воспитанниц доходило до 300 и распределялись они по трём возрастам. На попечении классных дам, особенно тех, кто работал с первым возрастом, оказывалось очень много девочек, многие были дурно воспитаны и совершенно неграмотны. Пепиньерки продолжали учиться: им по расширенной программе преподавали географию, историю, математику, причём на французском языке. Для девушек это был хороший способ обеспечить своё будущее.

В 1859 г. инспектором классов обоих отделений Смольного института, «благородного» и «неблагородного» (собственно Смольного и Александровского училища при нём), становится К.Д. Ушинский. К тому времени он уже был знаменитым педагогом и литератором, превратившим заштатный Гатчинский институт в блестящее учебное заведение.

Глубоко символично, что назначение К.Д. Ушинского пришлось на конец 50-х гг. XIX в. Это было время начала Великих буржуазных реформ: всего два года оставалось до отмены крепостного права (1861); в стране шла подготовка к городской, военной, судебной (самой демократической из них, отменившей сословный суд), к реформе образования.

Смольный к тому времени насчитывал около 700 воспитанниц. Обучение сводилось к иностранным языкам, танцам и музыке, систематическое образование считалось вредным для женщин. Это мнение было распространено как в России, так и в Европе. Былая слава Смольного угасала, его анахронизм делался особенно заметным в пореформенный период.

Ушинский же понимал важную и ответственную роль женщины как члена семьи и общества, поэтому он принял этот пост, имея в виду реформирование Смольного.

Девятилетний срок обучения был сокращён до семилетнего. Обе половины института были уравнианы в отношении объёма учебного курса и срока обучения («мещанки» учились 6 лет). Преподаванию был придан систематический характер. В основу преподавания был положен родной

язык. Изменилось преподавание русской и всеобщей истории, географии, естествознания. Математика стала преподаваться как средство развития логического мышления. В младших классах было введено наглядное обучение. В старших классах значительная роль была отведена истории отечественной литературы как особо благородному предмету в плане развития эстетического чувства и интеллектуального развития.

Был организован особый педагогический класс для того, чтобы учащиеся основательно ознакомились с общей педагогикой и дидактикой не только в теории, но и практически. Курс обучения в этом классе был двухлетним: первый год – изучение теории, второй – практическое преподавание самими ученицами под руководством учителей в специально сформированном для этого элементарном классе. В Смольном возродилась кипучая воспитательно-образовательная деятельность.

Этим Смольный был обязан К.Д. Ушинскому и его коллегам. Уже в 1860 г. в институт пришли молодые педагоги: словесник В.И. Водовозов, барон инженер М.О. Косинский, преподававший математику (кстати, он много сделал для развития методики обучения математике), преподавателем истории – блестящим – был артиллеристский офицер М.И. Семевский; было много других молодых одарённых педагогов.

После двух лет работы под управлением К.Д. Ушинского Смольный институт, годами не интересовавший столичное общество, сделался предметом внимания всего интеллигентного Петербурга. О его реорганизации, о его новой жизни громко говорила печать. Люди педагогической профессии, представители различных учреждений и ведомств, родители учениц стремились в институт, чтобы побывать на уроках, о которых говорил весь город.

Они видели отношения между воспитанницами и наставниками, основанные на взаимном уважении, доброжелательстве и доверии. Дети были явно увлечены занятиями. Институтки даже перестали называть учение «противным».

Однако не всё шло гладко. В самом Смольном Ушинского, кроме его единомышленников, в сложившемся педагогическом коллективе поддерживали только две инспектрисы – Е.Н. Обручева и А.К. Сент-Илер. Остальные тайно или явно стояли на стороне его врагов, которые не гнушались самыми мерзкими клеветническими доносами. К тому же сам Ушинский был человеком слишком прямым, не умеющим интриговать, поэтому доносы больно ударили по нему. На один, особенно злобный, он был вынужден писать объяснительную записку. Хотя он в пух и прах разбил своих клеветников, эта объяснительная стоила ему здоровья.

К.Д. Ушинскому оказала покровительство императрица Мария Александровна, лично знавшая его с самой лучшей стороны и высоко ценившая как человека высоких душевных качеств и выдающегося педагога. Она с негодованием отвергла измышления его противников и приняла выдающегося русского педагога под своё покровительство. По соображениям чисто формального характера признано было неудобным продолжать Ушинскому инспекторскую деятельность. Он был причислен к IV Отделению собственной Его Величества канцелярии, а вскоре получил заграничную командировку.

Таков был Смольный институт в пору двух своих расцветов: в XVIII и середине XIX веков, и таковы были его самые выдающиеся педагоги.

Их труды не канули в вечность. Об этом свидетельствуют имена и истории его выпускниц.

Самым знаменитым был первый выпуск. Он состоялся в 1776 г.

Большую золотую медаль получила Александра Левшина, будущая фрейлина Екатерины. Золотые медали первой величины (упоминания о серебряных медалях обнаружены не были) были вручены Глафире Алымовой, Наталье Борщовой, Екатерине Молчановой, Екатерине Нелидовой, Елизавете Рубановской.

Александра Левшина оставила несколько писем Екатерине, их переписка, к сожа-

лению, почти не сохранилась. Она писала императрице, ещё будучи институткой, и потом, став фрейлиной (в то время, в эпоху расцвета эпистолярного жанра, люди писали друг другу, даже если виделись каждый день).

Глафира Алымова оставила интересные «Памятные записки», в которых продемонстрировала живой ум, наблюдательность, сделала замечательные по тонкости и глубине характеристики Екатерины II, И.И. Бецкого, своих подруг.

Наталья Борщова зарекомендовала себя как талантливая актриса. Её игра так понравилась шведскому королю Густаву III, гостившему в Петербурге, что он подарил ей бриллиантовое сердечко.

Екатерина Нелидова стала фрейлиной «малого двора», т.е. двора тогда цесаревича Павла. Ей одной удавалось гасить вспышки бешенства Павла, даже когда он стал императором и был особенно нетерпим к противоречиям.

Елизавета Рубановская не пользовалась расположением императрицы за то, что относилась к ней сдержанно, держалась в стороне, никогда не обращалась к ней.

Младшая сестра Елизаветы, Анна, тоже смольнянка, стала женой А.Н. Радищева. Обе сестры Рубановские были женщинами одарёнными: Елизавета блистала на сцене Смольного, а Анна обладала редким по красоте певческим голосом. Сразу же заметим, что дочери А.Н. Радищева были последовательно институтками, затем пепиньерками и классными дамами в Смольном.

В Смольном училась и дочь А.В. Суворова, Наталья, знаменитая Суворочка.

Из последующих выпусков наиболее известна Дарья Бенкендорф, графиня Ливен. Её муж, граф Х.А. Ливен, был посланником сначала в Берлине, затем в Лондоне, посланником в Лондоне он был более 20 лет Красивая, умная, прекрасно образованная, с безупречными манерами, одевавшаяся с отменным вкусом, молодая графиня блистала в лондонском обществе. Привитая в Смольном вежливость и обходительность в общении позволили ей сохранять хорошие отношения со всеми группировками в

лондонском высшем свете (обстановка там была очень сложной из-за прогрессирующего безумия короля Георга III, не очень удачного правления принца-регента Георга; были и другие проблемы). Граф Ливен пользовался рассказами и советами жены для составления донесений в Петербург, а с течением времени стал доверять ей их составление. Таким образом графиня Ливен была первой русской женщиной-дипломатом. Она написала «Записки», в которых представлена широкая панорама тогдашнего общества и характеристика международной обстановки; сохранилась её обширная переписка, как личная, так и дипломатическая. Всё это – бесценный источник сведений для историка.

Смольнянке обязан своим появлением один и шедевров русской музыки, прекрасный романс «Я помню чудное мгновенье...» М.И. Глинки на стихотворение А.С. Пушкина. Хорошо известно, что это чудесное стихотворение было посвящено А.П. Керн (Полторацкой). Романс – её дочери, Е.Е. Керн; ей же посвящён знаменитый «Вальс-фантазия». Ко времени встречи с Глинкой Екатерина Керн была классной дамой в Смольном.

Смольный институт закончила также Е.А. Денисьева, муза поэта Ф.И. Тютчева, вдохновившая его на уникальный по проникновенности и драматизму цикл стихотворений, в литературоведении получивший название «денисьевский». Юная красавица Елена, представительница древнего, но небогатого дворянского рода Денисьевых, была племянницей инспектрисы Смольного А.Д. Денисьевой. Она училась вместе со старшей дочерью Ф.И. Тютчева, а её сводные сёстры – с дочерьми поэта от второго брака. А.Ф. Тютчева стала фрейлиной двора и воспитательницей дочери Александра II Марии.

Блестящим примером успешности педагогической деятельности К.Д. Ушинского была деятельность Е.Н. Водовозовой-Семевской, в девичестве Цевловской. Скромная провинциальная дворянка попала по протекции дяди-генерала, в Смольный. Закончив институтский курс, она по-

ступила в организованный Ушинским педагогический класс, затем вышла замуж за преподавателя Смольного В.И. Водовозова, была ему хорошей помощницей, а затем и сама занялась педагогической деятельностью. Её главный труд – «Умственное и нравственное развитие детей от первого проявления сознания до школьного возраста» (1871), снабжённое практически примерами. Большой известностью пользовалась её работа «Жизнь европейских народов», выдержавшая 5 изданий; эта работа была иллюстрирована В.М. Васнецовым. Беллетристический талант Е.Н. Водовозовой ярко проявился в её воспоминаниях «На заре жизни», первый раз вышедших в 1911 г. и с тех пор неоднократно переиздававшихся. После смерти В.И. Водовозова она вышла замуж за М.И. Семевского. Умерла Е.Н. Водовозова в 1924 г.

Изучая судьбы выпускниц Смольного, можно сделать вывод, что это учреждение влияло на культуру России как непосредственно – через образ жизни и деятельности своих выпускниц, так и опосредованно – через их влияние на представителей творческой интеллигенции.

В Смольном воспитывались в разное время и дочери князя Чёрногории Николая Негоша (с 1910 г. – король): Любица, Милица, Анастасия, Мария, Елена, Анна. В 1900 г. Елена стала королевой Италии и пробыла ею вместе с мужем королём Виктором Эммануилом 46 лет. Умерла она в 1952 г. во Франции. Почти всю жизнь королева Елена переписывалась с начальницей Смольного О.А. Томиловой (лично занимавшейся с институтками и пепиньерками историей искусств и придававшей большое значение развитию художественных и музыкальных способностей воспитанниц, а также их художественного вкуса). О.А. Томилова собрала большую коллекцию копий скульптур и картин. В её коллекции были и подлинники К. Лоррена, Н. Пуссена, С. Роза и даже Андреа дель Сарто. Королева Елена переписывалась и со своей классной дамой. Это говорит о том, что принципы работы педагогического коллектива Смольного – внимание к детям и искренняя за-

бота о них, – заложенные ещё И.И. Бецким, не были утеряны со временем.

Трагична судьба одной из выдающихся выпускниц Смольного, О.Н. Скобелевой, в девичестве Полтавцевой, матери «белого генерала» М.Д. Скобелева, которого называли «Суворову равным». Во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг. О.Н. Скобелева одной из первых стала организовывать санитарные отряды, отправлявшиеся на Балканы. После смерти мужа она полностью посвятила себя благотворительности и уехала в Болгарию. Там при её энергичном содействии были открыты приюты для инвалидов, вдов, сирот, госпитали для раненых. О.Н. Скобелева возглавила Болгарский отдел Красного Креста. Погибла она во время одной из своей многочисленных поездках по Болгарии. В небольшой отряд её охраны неведомо каким образом затесался негодяй, выгнанный её сыном-генералом из ординарцев за кражу бриллианта с наградного оружия, некто Н. Узатис. Он узнал, что О.Н. Скобелева везёт богатую церковную утварь, дорогие иконы, крупную сумму денег и организовал налёт бандитов на небольшой кортеж, сам он зарубил Ольгу Николаевну. Чудом остался жив один из сопровождающих. Раненный, он добрался до Филиппополя (Пловдива) и сообщил генералу Скобелеву о случившемся. Была организована погоня, во время перестрелки все бандиты были убиты, а Узатис застрелился.

В Смольном всегда любили музыку. Во второй половине XIX в. в институте рояли стояли в 25 комнатах. Воспитанницы были обязаны упражняться на них не менее часа, а желающие – и больше. Уроки с преподавателями проходили раз в неделю. Смольнянки играли серьёзную музыку: прелюдии и фуги Баха, сонаты Моцарта, Бетховена, произведения Листа, Шопена, Шуберта, Чайковского. Девочек обучали и ансамблевой игре – на двух роялях в восемь рук они исполняли фортепианные концерты. Клавикорды и арфа, казалось, ушли в прошлое.

Однажды, в 1891 г., в Смольном выступала молодая арфистка Е.А. Кюне. Её игра буквально заорожила воспитанниц. Мно-

гие вообще в первый раз услышали звучание арфы. Восторг девочек был таков, что педагоги решили возродить давнюю традицию обучения игры на арфе. Для этой цели разыскали даже старый инструмент, который когда-то подарила Смольному Екатерина II (с ним изображена Г. Алымова на портрете Левицкого). Преподавателем пригласили Е.А. Кюне. Она выбрала двух девочек – Ксению Эрдели и Елену Алымову, дальнюю родственницу Г. Алымовой. Из Парижа выписали новую арфу с усовершенствованным механизмом. Вскоре обе девочки уже выступали перед гостями на вечерах. Их игра очень понравилась Александру III и его супруге Марии Фёдоровне, которая тоже играла на арфе.

Е.А. Алымова впоследствии закончила консерваторию. К.А. Эрдели прожила долгую жизнь. Она слышала игру замечательного арфиста А.Г. Цабеля в «Лебедином озере» П.И. Чайковского. Смольнянок по традиции каждый год 6 декабря возили в Мариинский театр на утренний балет, где они могли слушать и видеть всех знаменитостей. Она слушала игру итальянских арфисток сестёр Чиарлоне в Дворянском собрании. Воспитанницы часто бывали на концертах Придворной певческой капеллы, которой руководил М.А. Балакирев. Сочинённая Балакиревым «Прощальная песнь учениц Смольного института» исполнялась на каждом выпускном вечере. Ксения Эрдели занималась игрой на арфе, рояле, сольным пением и дирижированием хором. Вскоре она стала выступать в симфоническом концерте Русского музыкального общества в Большом зале Петербургской консерватории. Потом начались сольные концерты. Затем она переехала в Москву. К.А. Эрдели играла в Большом театре и преподавала в Московской консерватории. Стала народной артисткой СССР. Последняя смольнянка умерла в 1971 г. в возрасте 93 лет. Её ученицей была знаменитая арфистка, профессор Московской консерватории, народная артистка СССР Вера Дулова.

...В 1914 г. Смольный отмечал своё 150-летие. К нему готовилась, без преувеличения, вся страна. Вышли первые тома

истории Смольного. Печатались статьи, воспоминания. В адрес Смольного поступали приветственные адреса от Академии художеств, Александровского (бывшего Царскосельского) лицея, женских институтов из Москвы, Вильно, Харькова, Саратова, других городов, от гимназий России. Торжественное празднование состоялось 20 мая. На нём присутствовали император Николай II и императрица Александра Фёдоровна. Руководила праздником начальница (последняя) Смольного княжна Е.А. Ливен, придерживавшаяся в своей деятельности принципов, которые заложили в работу Смольного Екатерина II и И.И. Бецкой.

Через два с половиной месяца началась Первая мировая война (1914–1918). Журнал «Столица и усадьба (тогдашний «глянец») ещё продолжал печать на своих страницах фотографии бывших смольнянок, которые просила прислать редакция. Всё чаще при подписи под фотографией после фамилии добавлялось: «работает как сестра милосердия», «работает на раны».

В 1917 г. Смольный прекратил своё существование как воспитательно-образовательное учреждение.

Октябрьские события 1917 г. сейчас трактуются по-разному. Они рассматриваются как революция, как переворот (при этом упускается, что латинское «*revolutio*» означает «коренной переворот»), как благо для страны и как катастрофа. Как бы там ни было, несомненно одно: после октября 1917 г. Россия стала другой: развивающийся капитализм сменился социализмом. Отметим, что события в России того времени напоминали события во Франции после 1789 г: интервенция и гражданская война, разруха, поток эмигрантов.

Для нового общества понадобились и новые люди. Однако прежде всего надо было решать проблемы с наследием прежней России, которое заключалось не только в культурных ценностях, но и в наличии профессионального преступного мира, куда втягивались беспризорные дети, число которых превышало 4 миллиона. Ви-

новаты в этом были не только революция и Гражданская война, но и русско-японская война 1905–1906 гг., Первая мировая война, не слишком удачно проводимые реформы, в результате которых происходило увеличение количества безземельного крестьянства и люмпен-пролетариата, а с ним – и безнадзорных детей.

Вполне естественно, что работе с беспризорными детьми, большая часть которых была правонарушителями, придавалось едва ли не первостепенное значение.

И тут возникает закономерный вопрос: что общего между педагогикой, зародившейся в XVIII в., и педагогикой Макаренко, ориентированной на работу с юными правонарушителями?

Закономерным, однако, этот вопрос кажется только на первый взгляд. При внимательном изучении между классической (гуманистической) педагогикой и педагогической теорией и практикой А.С. Макаренко есть много общего. И сравнение воспитания малолетних делинквентов с воспитанием благородных девиц отнюдь не нонсенс.

Обе эти педагогики возникли тогда, когда в них появилась необходимость, и как раз накануне и после социальных потрясений. И так же, как и в веке XVIII в первые десятилетия века XX потребовалось новое воспитание.

Новое воспитание базировалось на накопленном опыте. Профессиональный педагог, с золотой медалью окончивший Полтавский учительский институт, Макаренко не мог не знать о теориях Руссо, опыте Базедова и Ушинского.

Поэтому и работа во вверенных ему учреждениях строилась по проверенным принципам: образование, труд, искусство, спорт.

Образование воспитанников часто приходилось начинать практически с нуля. Труд по самообслуживанию был жизненно необходим в колонии, без него она просто не могла существовать. Колонисты занимались сельским хозяйством, обеспечивая себя продуктами. Профессиональная подготовка колонистов была, естественно, другой, чем в Смольном. Воспитанники ра-

ботали на фабриках и заводах, овладевали такими сложными технологиями, как производство фотоаппаратов (знаменитый ФЭД) и получали за свой труд достойную зарплату.

Искусство как средство воспитания также было в колонии на высоте. И в «Педагогической поэме», и во «Флагах на башнях» рассказывается о концертах, подготовленных колонистами, о постановке ими спектаклей силами драмкружка, а затем театра, организации праздников (например, Праздника урожая), на которые приглашались жители ближайших сёл. В спектаклях принимали участие и педагоги. Например, сам Макаренко в пьесе М. Горького «На дне» играл Сатина.

Кроме того, в колонии были очень популярны различные театрализованные «обозрения», текст для которых писал Макаренко. Особенно коммунары любили обозрение «Путешествие по Европе», в ходе которого воспитанники знакомились с историей европейских стран, их культурой, обычаями.

В колонии был военный оркестр. Одарённые в области искусства девушки и юноши занимались музыкой, вокалом, живописью. О выходе из колонии они поступали в соответствующие вузы.

А.С. Макаренко прививал воспитанникам навыки этикета. Хрестоматийным стал пример, как он учил их уступать место в транспорте женщинам и пожилым людям. Кроме того, он учил колонистов культуре застолья, о которой вспомнили только в 80-е годы прошлого века. Макаренко, как и педагоги Смольного, заботился о культуре речи воспитанников, приучал соблюдать правила публичных выступлений: соблюдать регламент, говорить чётко, ясно, по существу; перебивать оратора запрещалось категорически. В целом это было обучение тому, что в 90-е годы XX в. называли «риторикой», и чему стали учить детей в общеобразовательных и других школах.

Физическая культура и спорт были обязательны. Так же, как и обучение правилам личной гигиены и соблюдения чистоты и порядка в колонии в целом.

Режим работы колонии был военизированным. Это прививало дисциплину, организованность, упорядоченность жизни. Вообще соблюдение режима, не обязательно военизированного, благотворно влияет на деятельность человека и на его здоровье.

Надо сказать, что в смысле гигиены и порядка колонисты в прямом смысле несли культуру в массы. Опрятные, подтянутые, они показывали окружающим, как это красиво, и как нетрудно этого добиться.

Главным же в педагогической системе Макаренко был оптимистический подход в воспитании, вера в положительный потенциал личности, убеждение в силе воспитательных воздействий. Оптимистический подход в воспитании – это трансформированная идея Руссо об изначальной доброте человека, вера в позитив личности – воззрения И.И. Бецкого, И.Б. Базедова; от них же – уверенность в силе воспитания.

Основная цель деятельности А.С. Макаренко была той же, что у русских просветителей XVIII века, в частности, Н.И. Новикова – воспитание достойного гражданина своей страны. Напомним, что основным учебным пособием во времена Екатерины и Бецкого была «Книга о должностях человека и гражданина» (о должностях – в смысле об обязанностях и правах), автором которой была сама императрица.

Как и К.Д. Ушинский, Макаренко собрал блестящий педагогический коллектив. Его сотрудники были яркими, неординарными личностями и высокопрофессиональными специалистами. Достаточно вспомнить хотя бы В.Н. Терского и Н.Э. Фере, впоследствии написавшем книгу о А.С. Макаренко «Мой учитель». А.С. Макаренко предъявлял к своим сотрудникам такие же требования, которые изначально предъявлялись к педагогам Смольного: бодрость, вежливость, спокойствие, открытость к общению с воспитанниками. Макаренко придавал колоссальное значение личному примеру педагога – это следование одной из классических традиций русской педагогики.

В колониях, руководимых А.С. Макаренко, частыми гостями были известные в стране люди. Хорошо известно, что М. Горький

довольно часто бывал в гостях в колонии своего имени, иногда он приезжал с сыном Максимом.

Колонисты ездили на экскурсии, посещали театры, музеи, городские библиотеки, клубы. Воспитанники колонии им. Ф.Э. Дзержинского не пропускали ни одной премьеры Харьковского драматического театра.

Как и воспитанницы Смольного, ученики А.С. Макаренко оставили память в истории страны. Известна династия педагогов Кабалиных (вспомним Семёна Карабанова в «Педагогической поэме»), посвятившая себя работе с детьми, как принято говорить сегодня, «группы социального риска».

Его воспитанники сражались на фронтах Великой Отечественной войны, все они имеют боевые медали и ордена (86 человек награждённых). В мирное время – до и после Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. – добросовестно и ответственно работали и заслуженно получали трудовые награды.

Надо отметить, что за успехи в перевоспитании и воспитании юных правонарушителей в колонии им. М. Горького А.С. Макаренко был удостоен звания «Красный герой труда», который ему дал Наркомпрос Украины. В начале 1939 г. он был награждён Орденом Трудового Красного Знамени.

А.С. Макаренко не только использовал опыт классической педагогики. Он обога-

тил его теорией воспитания детского коллектива и воспитания через коллектив; теорией формирования педагогического коллектива; новыми методами работы с очень трудной категорией детей (несовершеннолетними правонарушителями): метод «взрыва», «отсроченного наказания» и другими.

В судьбе А.С. Макаренко прослеживается сходство с судьбой К.Д. Ушинского. Оба они были талантливейшими педагогами и писателями, оба реорганизовали воспитательно-образовательные учреждения, причём Макаренко в этом плане было труднее – он реорганизовывал учреждение воспитательно-исправительное. Оба они подвергались критике и нападкам: Ушинский – чиновно-педагогического, а Макаренко – в основном «педагогического Олимпа», но и чиновного тоже. Оба они были изгнаны из реформированных ими учреждений. Обоим это подорвало здоровье.

Оба – К.Д. Ушинский и А.С. Макаренко – вошли в историю педагогики и в историю культуры России и мира как замечательные педагоги-новаторы.

Деятельность И.И. Бецкого, И.Б. Базедова, К.Д. Ушинского, А.С. Макаренко, С.А. Кабалина и их соратников показывает, что классическая гуманистическая педагогика, сформировавшаяся в XVIII в., получает дальнейшее развитие в наши дни в работе лучших детских воспитательно-образовательных учреждений.